

Живет в Москве (Россия).

* * *

Не проехать, не перейти: широка река,

Ибо имя ей «долг», и вода ее глубока.

А в ветвях деревьев, что по берегам ее

Откричало смердящее воронье:

«Вон отсюда, враже, не замути реки,

Ибо воды ее чисты и волны легки,

Ибо то, что чужое – ведомо, не твое,

Ибо песня умрет во реке, на волнах ее.

Что ты хочешь – прихоть, а то, что ты любишь – ложь,

Будет тяжким игом то, что так долго ждешь,

Будет тяжелой долей выбор, пойдет отсчет»

А река играет, но мимо река течет

* * *

До месяца волка – месяца тишины

Мне нужно еще дожить, поползти, добраться.

Я в самом начале долгой седой зимы,

Еще плюс восемь, а кажется – минус двадцать.

Серобородый туман приник к моему окну,

Этот старик с утра безмолвствует в серой вате.

Тело мое немеет, подвластное белому сну –

Этой синичьей спячке в выстуженной кровати.

А если вдруг дотяну до месяца бурь и ветров,

Руку протянет Герта – рыжеволосая дева,

Ладони мои согреет и, верно, оттаает кров,

Истает узор со стекол – льдистый, заиндевельный.

И можно уже без страха – довольно! – идти во двор

Приветствовать нити солнца улыбкою-ликованьем.

И в месяц веселый зайца услышать нестройный хор

Ушедших моих любимых – дыханию в оправданье.

* * *

А она лежит, и нога у нее - бревно.

Говорит всегда: «Без ноги я уже давно,

Как пошла в сберкасса, упала и вот - бедро».

А до этого было лето и огород,

Сад из яблонь и слив, соления - круглый год.

Земляника, смородина - просто просились в рот.

И семнадцать лет не входила я в этот сад,

Там сухие бесплодные яблони тихо спят,

А воротины ржавые - песню свою скрипят.

Там тюльпанов и лилий клубни стали землей,

Королевский крыжовник покрылся коростой-тлей,

Провода над сараем свисают немой петлей.

А сама говорю: «Не волнуйся, лежи - лежи»,

И мучительно вижу, как в ней засыпает жизнь,

И как будто уходит на верхние этажи.

А она вспоминает снова: «...был жив твой дед...»,

Словно и не промчалось стремительно тридцать лет,

Словно он и сегодня еще придет на обед.

И она мне рассказывать будет еще о войне,

О своем отце, попавшем в немецкий плен,

И о младших братьях, но более - о сестре.

Я стараюсь запомнить тонкую кисть руки,

И прозрачную кожу ее, седые виски,

И беззубый рот: «Доживаем мы, старики....»

Мне придется пройти тропинкой, что заросла,

Подписать договор о продаже «сего числа»,

И продать свою память - место, где я росла.

Где, копаясь в земле, собирала я червяков,

Где я плакала из-за капризов и пустяков,

И не думала, что не станет вдруг стариков.